

Американские *trauma studies* и пределы их транзитивности в России

Кухонные разговоры с ветеранами локальных конфликтов

ФЕДОР НИКОЛАИ

Доцент, кафедра всеобщей истории, Нижегородский педагогический университет им. К. Минина. Адрес: 603950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1. E-mail: fvnik@list.ru.

ИГОРЬ КОБЫЛИН

Доцент, кафедра социально-гуманитарных наук, Нижегородская медицинская академия. Адрес: 603005, Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1. E-mail: kigor55@mail.ru.

Ключевые слова: политика памяти; ветераны; локальные конфликты; свидетельство; исследования травмы.

В статье рассматриваются контексты формирования и концептуальное содержание американских *trauma studies* и ставится вопрос о перспективах развития аналогичных исследовательских практик в России. Речь прежде всего идет о «военной травме» участников локальных конфликтов. Анализируя устные свидетельства российских ветеранов афганской и обеих чеченских кампаний, авторы обсуждают те трудности, с которыми сталкиваются комбатанты в попытках артикулировать свой военный опыт. «Сбой репрезентации» далеко не всегда может быть описан в медикализованной терминологии «травмы», тем более что стратегии «медикализации» и «виктимизации» часто встречают сопротивление самих ветеранов. Поэтому, отдавая должное теоретическим и практическим разработкам *trauma studies*, авторы предлагают

не столько использование готовых моделей и «сильных программ», сколько осторожную разведку, предельно чуткую как к социально-политическому контексту свидетельства, так и к голосу самого свидетеля.

Метафора «травмы» присутствует в нарративе ветеранов в разных контекстах. Чаще всего она возникает в рамках экзистенциалистской дискурсивной стратегии как маркер пограничного (зачастую возвышенного) опыта. Вместе с тем она может использоваться при описании телесного характера памяти, укорененной в повседневных привычках и габитусах. Однако эта метафора редко возникает в культурно-идеологическом или ироническом нарративе. Чаще всего рассказы ветеранов весьма фрагментарны и представляют собой ситуативное переплетение отмеченных линий.

В ОЛНА *trauma* и *memory studies*, захлестнувшая в последнюю четверть века гуманитарные исследования в США и Европе, все настоятельнее требует рефлексивного отклика отечественных исследователей. Насколько она продуктивна применительно к российскому (советскому) прошлому? Данная статья, конечно же, не претендует на масштабные обобщения в этой сфере, но стремится обозначить некоторые тенденции развития *trauma studies* (в их американском варианте) и проблематизировать перспективы данной аналитической стратегии в России. На наш взгляд, переосмысление памяти о Второй мировой войне и локальных конфликтах, о советском прошлом (принципиально гетерогенном) и кризисе 1990-х годов нуждается в самостоятельных решениях, а также в активном и открытом диалоге с самыми разными течениями гуманитарной мысли, начиная с теории практик и «аффективного поворота» и заканчивая «старой доброй» критической теорией.

Американские *trauma studies* и политика памяти в 1970–2000-е годы

Безусловно, полемика вокруг понятия «травма» в европейских и американских исследованиях имеет весьма длительную и сложную историю¹. Но лишь в 1970-е годы, в связи с войной во Вьетнаме и «вьетнамским синдромом»², она из узкого академического дис-

1. Краткое введение в проблематику см. в: Мороз О., Суверина Е. *Trauma studies: История, репрезентация, свидетель* // Новое литературное обозрение. 2014. № 1. С. 59–74. Подробнее см.: Leys R. *Trauma: A Genealogy*. Chicago: University of Chicago Press, 2000; Young A. *The Harmony of Illusions: Inventing Post-Traumatic Stress Disorder*. Princeton: Princeton University Press, 1995.
2. По разным оценкам, он охватил от 300 тысяч до 1,5 млн (то есть от 10 до 60%) ветеранов Вьетнама (*Hagopian P. The Vietnam War in American Memory: Veterans, Memorials, and the Politics of Healing*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 2009. P. 58). Национальный центр исследования посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) при Департаменте по делам ветеранов говорит о его распространении у 30,9% мужчин и 26,9% женщин, прошедших Вьетнам (*Scott W. J. Vietnam Veterans since the War: The Politics of PTSD, Agent Orange, and the National Memorial*. Norman: University of Oklahoma Press, 2003. P. 264).

курса вырвалась в широкое междисциплинарное поле *studies*. Тогда ряд психоаналитиков и психотерапевтов во главе с Робертом Джемом Лифтоном поддержали ветеранов, с одной стороны, в поисках специфических форм артикуляции их военного опыта, а с другой — в их сотрудничестве с левым движением, критиковавшим социально-политический курс президента Ричарда Никсона и республиканцев в целом³. Сторонники Лифтона добивались разработки новой психиатрической классификации *DSM-III (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders)*, куда мог бы войти термин «поствьетнамский синдром». При этом они как по прагматическим, так и по теоретическим соображениям активно сотрудничали с другими академическими сообществами реформаторов — сторонниками теории стресса Марди Горовица, исследователями холокоста во главе с Генри Кристалом, феминистской критикой насилия в семье и поборниками *queer studies*. Итогом этого сотрудничества и стало понятие «посттравматическое стрессовое расстройство» (ПТСР), принятое в 1978 году для характеристики широкого спектра симптомов и включенное в 1980 году в окончательный вариант *DSM-III*. Важно подчеркнуть, что Лифтон и его коллеги считали дискурс *trauma studies* лишь частью сложного комплекса проблем, включавшего политическую и этическую ответственность за войну, влияние медиа на трансформацию памяти ветеранов, необходимость институциональных реформ в психиатрии и т. д.:

С самого начала дискуссий... этико-политические и психологическо-терапевтические вопросы были для нас неразрывно связаны⁴.

Отметим также социально-политический подтекст противопоставления концептов *травмы* и *памяти* в 1970-е годы: если правые республиканцы делали акцент на героизации войны и *памяти* о ней, то левые радикалы настаивали на признании *травмы* как ветеранов, так и всего американского общества. Однако постепенно это различие стиралось⁵.

3. Lifton R. J. *Home from War: Learning from Vietnam Veterans*. N.Y.: Other Press, 2005.
4. Ibid. P. 75. И далее: «Большинство профессионалов, задействованных в нашей работе, — психоаналитики, психиатры и психологи — считали ее групповой терапией, а ветеранов, соответственно, пациентами. Меньшинство, лидером которого был я, считало, что мы создаем новый институт, новое сообщество и ведем диалог с ветеранами на равных» (Ibid. P. 82).
5. Эта трансформация стала результатом, с одной стороны, целенаправленного формирования общественного мнения президентской администрацией Рональда Рейгана, а с другой — складывания специфическо-

Наивысшей точки деполитизация *trauma* и *memory studies* достигла после терактов сентября 2001 года, естественной реакцией на которые для большинства американцев были шок, страх, горе и боль — ощущения, очень близкие словарю *травмы*⁶. Только в Нью-Йорке в связи с событиями 11 сентября за помощью к государственным психологам и психотерапевтам обратились около 1,5 млн человек. Собственно ПТСР было выявлено у 5,8–7,5% населения, но большая часть людей жаловалась на его отдельные симптомы: бессонницу (20,7%), раздражительность (17,4%), навязчивые воспоминания (16%) и т. д.⁷ Для координации усилий специалистов была создана администрация по оказанию психотерапевтической помощи «Свобода», на финансирование которой вы-

го медийного образа «безумного ветерана» (не только в голливудском, но и в «независимом» кинематографе). Джерри Лембке утверждает, что Вьетнамской войне посвящено около 600 фильмов (от «Рэмбо» до «Охотника на оленей» и «Форреста Гампа»), из которых 120 напрямую касаются «вьетнамского синдрома» (*Lembcke J. The Spitting Image: Myth, Memory, and the Legacy of Vietnam. N.Y.: New York University Press, 1998. P. 4; Kellner D. Media Culture: Cultural Studies, Identity and Politics Between the Modern and the Postmodern. N.Y.; L.: Routledge, 1995*).

6. Питер Стернс проводит интересное сравнение этих эмоций и словари их описания с реакцией общественного мнения США на атаку Перл-Харбора в декабре 1941 года (*Stearns P. N. American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety. N.Y.; L.: Routledge, 2006. P. 26–43*). Многие исследователи подчеркивают отличие реакции американцев на события 11 сентября и англичан после теракта в Лондоне в 2005 году. См., напр.: *Neria Y. et al. Mental Health in the Wake of Terrorism: Making Sense of Mass Casualty Trauma // 9/11: Mental Health in the Wake of Terrorist Attacks / Y. Neria et al. (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 6–7*. Все они соглашаются, что восприятие событий американцами в 2001 году оказалось более драматичным. При этом понятие *травмы* и его производные — *коллективная, национальная травма* и т. д. — сразу стали основными маркерами обозначения этого (достаточно гетерогенного) опыта.
7. *Galea S. et al. Post-traumatic Stress Symptoms in the General Population after a Disaster: Implications for Public Health // 9/11: Mental Health in the Wake of Terrorist Attacks. P. 29–31*. По данным этого исследования, события 11 сентября напрямую затронули здоровье 28% жителей Нью-Йорка, то есть 4,44 млн человек, из которых лишь у 500 тысяч сформировалось ПТСР (*Ibid. P. 36*). Другое общенациональное исследование, проведенное в середине сентября 2001 года, показало, что 44% всех взрослых американцев и 35% детей жалуются на хотя бы один из пяти ключевых симптомов ПТСР, а 90% сообщают о других проявлениях стресса. *Schuster M. A. et al. A National Survey of Stress Reactions after the September 11, 2001 Terrorist Attacks // New England Journal of Medicine. 2001. Vol. 345. № 20. P. 1507–1512; Neria Y. et al. PTSD in Urban Primary Care Patients Following 9/11 // 9/11: Mental Health in the Wake of Terrorist Attacks. P. 240*.

делили сотни миллионов долларов. Кроме того, 7 млрд долларов составили выплаты жертвам терактов и их семьям; еще 3 млрд было собрано частными фондами⁸. Этот огромный социальный спрос и масштабная федеральная поддержка закрепили тенденцию к виктимизации и медиализации дискурса *trauma studies*, целью которых провозглашался теперь именно терапевтический, а не социально-политический эффект⁹. Безусловно, последний не исчез: «Медиализация событий 9/11 дала государству дополнительные средства организации субъективного опыта граждан»¹⁰.

После начала войны в Афганистане и Ираке (давшей от 300 до 500 тысяч комбатантов с ПТСР¹¹) *trauma studies*, связанные с ветеранской администрацией и нацеленные на нейробиологические и фармакологические методы терапии, оказались во многом противоположны антивоенным выступлениям левых¹². Новое поколение психотерапевтов все чаще отказывается от психоанализа и коллективных тренингов «шестидесятников», заменяя их поведенческой терапией, программами управления страхом и виртуальными симуляторами, призванными «исправить» память о прошлом. Более того, сам термин ПТСР используется теперь все реже — чаще речь идет о «множественной травме» (*polytrauma* — нарушения в работе двух и более систем организма), «постдемобилизацион-

8. Seeley K. M. *Therapy After Terror: 9/11, Psychotherapists, and Mental Health*. N.Y.: Cambridge University Press, 2008. P. 73–74.
9. Так, например, известная представительница *women's studies* Энн Каплан подробно описывала кризис своей левой политической ориентации после событий 9/11: «Этот дискурс оказался ортогонален чувствам простых людей» (*Kaplan E. A. Trauma Culture*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2005. P. 10–16).
10. Seeley K. M. *Therapy After Terror*. P. 158.
11. Hoge C. W. et al. *Combat Duty in Iraq and Afghanistan, Mental Health Problems, and Barriers to Care* // *New England Journal of Medicine*. 2004. Vol. 351. № 1. P. 13–22; Tanielian T. L., Jaycox L. *Invisible Wounds of War: Psychological and Cognitive Injuries, Their Consequences, and Services to Assist Recovery*. Arlington, VA: RAND, 2008. Ряд исследователей считают, что уровень ПТСР может быть еще выше, но продолжающие службу военные предпочитают не обращаться к врачам, опасаясь замедления карьерного роста и разрушения своего имиджа (*Treatment for Posttraumatic Stress Disorder in Military and Veteran Populations: Initial Assessment* / R. Wedge (ed.). Washington: The National Academies Press, 2012. P. 46).
12. Подробнее см.: *Paulson D. S., Krippner S. Haunted by Combat: Understanding PTSD in War Veterans including Women, Reservists, and Those Coming back from Iraq*. Westport: Praeger, 2007; *Treatment for Posttraumatic Stress Disorder in Military and Veteran Populations*; *Finley E. R. Fields of Combat: Understanding PTSD among Veterans of Iraq and Afghanistan*. N.Y.: Cornell University Press, 2011.

ном стрессе» (*post-deployment stress*) и «мозговых нарушениях травматического происхождения» (*traumatic brain injury*)¹³. Таким образом, понятие травмы из орудия критической *проблематизации* постепенно становится прагматическим средством *нормализации* военного опыта и памяти ветеранов.

Именно в этом контексте в 2000-е годы усиливаются голоса оппонентов и критиков *trauma studies*, ставящих под сомнение присущую последним логику метонимии и интернализации — подстановки себя на место жертв ради получения доступа к опыту Другого во всем его драматическом избытке. Уже в 1980-е годы эта линия стала «привилегированным тропом»¹⁴ или «господствующей моральной парадигмой»¹⁵ в исследованиях холокоста. Хотя многие ведущие историки, еще с 1960-х годов работавшие со свидетельствами нацистских преступлений, весьма скептически оценивали эту тенденцию в *trauma studies*¹⁶, именно идея разрыва репрезентации стала преобладать в исследованиях 1990-х — начала 2000-х годов¹⁷. Сегодня эта логика все чаще проигрывает разработке моделей «среднего уровня», пытающихся избежать крайностей пары «социальный конструктивизм vs падение репрезентации» в рамках теории практик, истории эмоций, аффективного поворота и т. д. Эти подходы позволяют существенно скорректировать *trauma studies*, восстано-

13. Их этиологию связывают в первую очередь с физическими повреждениями и последствиями взрывов, которые становились причиной 60% ранений американских солдат. Считается, что уровень *TBI* среди ветеранов Ирака и Афганистана достигает 22%, то есть превышает распространение ПТСР (*Wojcik B. E. et al. Traumatic Brain Injury Hospitalizations of U.S. Army Soldiers Deployed to Afghanistan and Iraq // American Journal of Preventive Medicine. 2010. Vol. 38. № 1. P. S109; см. также: Mernoff S. T., Correia S. Military Blast Injury In Iraq and Afghanistan: The Veterans Health Administration's Polytrauma System of Care // Medicine and Health. 2010. Vol. 93. № 1. P. 16–17*).
14. *Bellamy E. J. Affective Genealogies: Psychoanalysis, Postmodernism, and the "Jewish Question" after Auschwitz. Lincoln: University of Nebraska Press, 1997. P. 32.*
15. *Shandler J. While America Watches: Televising the Holocaust. N.Y.: Oxford University Press, 1999. P. xiii, 211–212.*
16. См., напр.: *Browning C. Collected Memories: Holocaust History and Postwar Testimony. Madison: University of Wisconsin Press, 2003; Hilberg R. The Politics of Memory: The Journey of a Holocaust Historian. Chicago: Ivan R. Dee, 1996; Novick P. The Holocaust in American Life. Boston: Houghton-Mifflin Trade and Reference, 1999.*
17. *Langer L. Holocaust Testimonies: The Ruins of Memory. New Haven: Yale University Press, 1991; Felman S., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. N.Y.: Routledge, 1992.* Конечно, полемика о травме и разрыве репрезентации очень масштабна, имеет множество нюансов и требует отдельного разговора.

вив их социально-политическое измерение. При этом концептуальная логика *top — down* сменяется принципом *from the bottom up*: принципиально важной оказывается «феноменология» повседневного опыта и практики объединения *обычных людей* в сообщества.

Возможно, именно с точки зрения вариативности практик имело бы смысл рассматривать и положение российских ветеранов локальных конфликтов. На наш взгляд, механически переносить на них сформировавшиеся в 1970–1990-е годы словарь и логику *trauma studies* не очень продуктивно. Более того, подобная стратегия противоречила бы их собственным усилиям по артикуляции своего военного опыта.

«Разговоры на кухне»: почему российским ветеранам локальных конфликтов трудно говорить

С весны 2013 года авторы данной статьи работают с ветеранами военных действий в Афганистане и Чеченской Республике¹⁸. Последние особенно неохотно идут на контакт¹⁹. Валера (прапорщик, служил в Чеченской Республике в 1995–1996 годах) упоминает: «Мы даже друг с другом редко говорим о той войне». Академик Валерий Тишков, собравший в своей замечательной книге свидетельства беженцев и чеченских боевиков, утверждает, что лишь двое из 55 респондентов уклонились от разговора с ним²⁰. Российские же солдаты, представляющие сторону, казалось бы победившую в конфликте, в подавляющем большинстве отказываются говорить или предельно нейтрально отвечают на вопросы о своих «командировках». Чем вызваны подобные затруднения? Имеет ли место здесь аналогия с американской моделью социального запроса, реализуемого в *trauma studies*?²¹

18. Проект создания цифрового архива их воспоминаний только стартовал, поэтому пока рано делать какие-либо окончательные выводы, — скорее, речь идет об осмыслении первого из промежуточных срезов.

19. Эту проблему признают практически все (немногочисленные) исследования по данной теме. См., напр.: Новикова А. Ветераны Чечни в милиции. К проблеме преодоления опыта «горячей точки» // Милиция между Россией и Чечней: ветераны конфликта в российском обществе / Под ред. А. Новиковой. М.: Демос, 2007. С. 9.

20. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука. 2001. С. 17.

21. Такой точки зрения придерживается, например, Виктория Семенова в отношении «афганского синдрома» (Семенова В. В. Травматическая память как мобилизационный ресурс коллективной идентичности // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [электронный

На наш взгляд, такое молчание связано не столько с самими ветеранами, сколько с тотальным забвением войны в Чечне в современном российском обществе. Во многом этому способствовал специфический статус «операции по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике» 1994–1996 годов и «контртеррористической операции на Северном Кавказе» 1999–(2000)–2009 годов. После взрывов 1999 года в Москве, Буйнакске и Волгодонске контртеррористическая операция какое-то время даже позиционировалась как часть «войны с мировым терроризмом» (по аналогии с «войной с террором» после событий 11 сентября в США). Терракты на Дубровке в Москве в 2002 году и в Беслане в 2004 году обозначили тенденцию к формированию «политики умолчания»²². В результате всех этих трансформаций сам статус ветеранов и их права (льготы) были окончательно закреплены за комбатантами лишь в 2002 году. В отсутствие какой-либо интерpellации со стороны государства или Большого Другого²³ они вынуждены не только самостоятельно добиваться достойного медицинского и социального обслуживания «на местах», но и самим определять границы своего символического горизонта, что, конечно, оказывается крайне трудно ввиду отсутствия легитимированного символического языка описания.

Само название «ветераны локальных конфликтов» часто оказывается эвфемизмом²⁴, которым недовольны не только «чеченцы», но и ветераны Афганистана.

ресурс]. Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов, 2012. С. 7798–7818). «Привлечение воспоминаний бывших афганцев представляет интерес как случай травматических воспоминаний, когда совместно пережитая травма стала базой для формирования их коллективной идентичности» (Там же. С. 7799).

22. Сегодня об этих событиях в США и Европе выходит гораздо больше статей и монографий, чем в России. См., напр.: *Шептели К. Л.* Двойной счет: рассказы и расчеты после теракта на Дубровке // *Травма: пункты* / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 276–305.
23. «Многие милиционеры, возвращаясь на работу в свой регион, оказываются в ситуации социального одиночества. Ни их работа, ни их проблемы, ни сам конфликт в Чечне не интересны ни большинству граждан, ни СМИ, ни милицейскому руководству. Именно так воспринимают многие ветераны отношение к себе окружающих и властей» (*Новикова А.* Региональная милиция и конфликт // *Милиция между Россией и Чечней*. С. 31).
24. Например, в Нижнем Новгороде из 19,5 тысячи ветеранов локальных конфликтов «афганцев» — чуть больше 4,5 тысячи, ветеранов конфликта в Чечне — почти 15 тысяч.

Валерий (сержант, ветеран Афганистана):

Когда наш памятник хотели назвать «Павшим в локальных конфликтах», мы были категорически против и настояли, чтобы речь шла именно об Афганистане и Чечне. А то, что это такое — «локальные конфликты»? Вот ты сам, например, историк — можешь сказать, сколько их вообще было?

Эта политика умолчания связана с отсутствием понятной обществу и самим комбатантам *модели ветеранства*.

Как справедливо отмечал Борис Дубин, в центре исторической памяти современной России находится Великая Отечественная война:

Итак, а) это память героическая (монументальная); б) память *победная*, несмотря на все потери и на чудовищную цену победы; в) это память *наша*, что чрезвычайно важно, она объединяет «нас» и отделяет от всех «них»²⁵.

Такая политика памяти стала каноном, подчиняющим воспоминания о других событиях и конфликтах. Комбатанты войн в Афганистане и Чеченской Республике иногда осознанно, иногда бессознательно сравнивают себя и свой опыт с ветеранами Великой Отечественной²⁶. Однако такое сравнение неизбежно заводит их в символический тупик — слишком большая дистанция возникает между их реальным опытом и идеализированной картиной прошлого. Алексей (старший лейтенант, служил в Чеченской Республике в 1999–2000 годах) описывает, как трудно ему было выступать перед детьми в школе, куда его пригласили (подобно тому как в советские школы приглашали ветеранов Второй мировой): «Вот Великая Отечественная — это была война: там наши, тут немцы... А мы тут так...» Ветераны Великой Отечественной были героями официальных мероприятий и семейных торжеств, советских фильмов для детей и взрослых. Система социальной помощи (безусловно, завышенно оцениваемая сегодня многими²⁷)

25. Дубин Б. В. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 16.

26. Например, Валера (сержант ВДВ, ветеран Афганистана): «Мы обычно собирались с ребятами на 15 февраля и 9 Мая». 15 февраля — это годовщина окончательного вывода советских войск из Афганистана.

27. Сергей Ушакин, одним из первых начавший работать с «сообществами памяти» ветеранов, придает этой ностальгии по советскому ключевое значение: по его мнению, «постсоветское» общество до сих пор смотрит назад и не может преодолеть кризис 1990-х годов, преобразуя макросоциальные пробле-

и повседневные бытовые представления маркировали ветеранов как носителей высокого социального статуса.

В 1990-е годы за счет самоорганизации «афганцев» сформировалась альтернативная *модель ветеранства*. Либерализация экономики подталкивала государство, сбрасывавшее бремя социальных программ, предоставить «воинам-интернационалистам» льготы по налогам и стимулировать их уход в бизнес (зачастую «серый» и даже откровенно криминальный, как и значительная часть бизнеса тех лет в России). В этих условиях их «ветеранство» стало восприниматься не как автоматический гарант высокого социального статуса, но как стимул к взаимовыручке и отказу от надежд на государство²⁸. При этом в ряде случаев даже возникали конфликты между «афганцами» и ветеранами старшего поколения²⁹.

К концу 2000-х годов обе эти модели потеряли актуальность. При этом новой внятной *модели ветеранства* так и не появилось. По всей видимости, государство пытается перевести работу с проблемами ветеранов в русло «проектной деятельности» и патерналистской ведомственной помощи через местную администрацию, военкоматы и ГУВД. Но подобная модель вызывает недоумение у большинства ветеранов: их служба в армии и МВД не предполагала гражданской активности (и даже исключала ее). Владимир Т. (прапорщик внутренних войск, служил в Чеченской Республике в 1995 году) сомневается: «Я бы и хотел что-нибудь сделать, но что? Мы люди маленькие...» Кроме того, проектная деятельность принципиально противоречит распространенной среди ветеранов идее «боевого братства» и их *представлениям о справедливости*. В терминологии Люка Болтански и Лорана Тевено, речь идет о фундаментальном различии между «рыночным» и «патриархальным» градусом³⁰ — обосновании справедливости через логику капитала

мы в «патриотизм отчаяния» (Oushakine S. A. The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2009. P. 191).

28. Валера (сержант ВДВ, ветеран Афганистана): «Я считаю, никто нам ничего не должен». Примерами самостоятельных действий «афганцев» стали захват двух домов и осада администрации в Екатеринбурге, а также события 1992 года в Нижнем Новгороде, когда около 70 ветеранов Афганистана около месяца жили в палатках и вели переговоры с администрацией по поводу передачи им (согласно очереди) квартир на ул. Бурденко, 25.
29. Алексей (ветеран Афганистана): «Мы стали добиваться установки нашего памятника в парке. Многим это не нравилось. Даже ветеранов Великой Отечественной подбили на митинг: „Не дадим превратить парк в кладбище“».
30. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 150–152.

или традиционные (семейные) ценности. Последние, несомненно, ближе ветеранам. Например, говоря о жителях Чеченской Республики, многие позитивно оценивают их уважительное отношение к старшим, скромность женщин и общую значимость семейных связей. В рамках этого «патриархального града» критика возможна именно «на кухне», в форме предельно личного «разговора по душам», и труднопредставима в публичном пространстве.

В этих условиях ветераны, рассказывая о своем опыте, вынуждены «изобретать» собственные дискурсивные стратегии, среди которых преобладают три линии (способные, конечно, по-разному переплетаться).

Первую из них можно условно назвать *культурно-идеологической*. Это жесткое противопоставление *своего* и *чужого* («православной России» — «мусульманскому Кавказу», «честной войны» — «откровенному бандитизму» и т. д.).

Александр (прапорщик ВДВ, служил в Чеченской Республике в 1995 и 1999 годах):

Чеченцы только силу понимают... Они и не работали никогда — грабежом жили. Еще в Средние века караваны по Великому шелковому пути грабили.

Олег (рядовой, служил в Чеченской Республике в 1999–2000 годах):

Дан клич «Родина-мать зовет!», и тысячи молодых парней поехали защищать интересы Родины. У меня было чувство долга, так меня воспитывали отец, дедушки, бабушки, старшее поколение. Мне не надо было рассказывать о необходимости сохранить целостность нашего государства. Мне и самому надоело смотреть на то, что творится в моем, некогда таком большом государстве³¹.

Другая линия — *ироническая* — признает конвенциональность правил и многочисленные социальные проблемы, но при этом предполагает условное соблюдение ритуалов.

Вадим (замкомвзвода, служил в Чеченской Республике в 1995 году):

Один ротный совсем обнаглел. Брал «бэху», выезжал на дорогу и продавал, что мог. Пока духи это не прочухали. Сожгли «бэху» из гранатомета. Повезло, что механик вышел пописать и в ней

31. Киселев В. П. Разведбат. Документальное повествование. Н. Новгород: Эксмо, 2007. С. 228.

никого не было. Я всем всегда говорил: «Если продаете что-то, хоть продавайте негодное»³².

Федор (капитан, служил в Чеченской Республике в 1995 году):
Не дай бог выстрел из деревни — деревни не будет. После таких предупреждений стали свободно проезжать через села. Дошло до того, что «чехи» принесли к нам футбольные мячи, и наши солдаты играли в футбол с их молодежью. Хотя все равно недоверие было взаимное. Постреливали они все равно³³.

Третья, *экзистенциальная* линия подчеркивает значимость пролитой крови и потерь, которые, однако, дают некий возвышенный опыт и новое понимание реальности.

Андрей (майор, служил в Чеченской Республике в 1995–1996 и 1999–2000 годах):

[Мы] увидели, что такое война: грязь, кровь, смерть... В Чечне в это время я получил больше жизненного опыта³⁴.

Олег (снайпер, служил в Чеченской Республике в 1999–2000 годах):
Я простой солдат, который некоторое время провел на войне. Это был не просто промежуток жизни. Война оставила глубокий рубец в моем сердце, который никогда не заживет, эта рана будет кровоточить всю жизнь³⁵.

Травма здесь выступает метафорой специфического экзистенциального опыта, артикулировать который ветераны часто пытаются именно в психосоматическом ключе.

Алексей (рядовой, служил в Чеченской Республике в 1995 и 1999–2000 годах):

У меня после первой командировки крыша съехала. Болел — хотелось вернуться...

Александр (ВДВ, служил в Чеченской Республике в 1995–1996 и 1999–2000 годах):

Вам никто точно не скажет, что это такое. Это похоже на адреналин.

32. *Он же*. Исповедь непобежденного полка. М.: Эксмо, 2013. С. 352.

33. Там же. С. 282. О подобных «футбольных сюжетах» во время Первой мировой войны см.: *Fussell P. The Great War and Modern Memory*. N.Y.; L.: Oxford University Press, 1989. P. 26–28.

34. *Киселев В. П. Разведбат*. С. 9.

35. Там же. С. 228.

Конечно, эти дискурсивные линии часто пересекаются: например, идеологическое противопоставление *своего* и *чужого* распространяется на конфликты ценностей в мирной жизни.

Геннадий (старший лейтенант, служил в Чеченской Республике в 1999–2000 годах):
Если там — боевое братство, то здесь — сплошное б***ство.

Владимир (внутренние войска, служил в Чеченской Республике в 1995 году):
Здесь все разобщены, а там ты нужен... Там другие отношения — чувствуешь себя значимым.

Александр (старший лейтенант, служил в Чеченской Республике в 1999–2000 годах):

Настоящих, подготовленных солдат в стране как будто и не было. Военкоматы в основном набирали контрактников — пьяниц, бомжей, убийц, уголовников, зачастую прошедших медкомиссию формально. <...> Захочется иному такому «воину» пострелять по людям, приползет в деревню и давай стрелять по всем подряд из автомата, просто так. И таких «шутников» хватало. Наркоты нажрется и давай «творить чудеса». В лучшем случае ему сами же ребята переломают кости и бросят в вертолет. Придет такой «воин», один день побудет в батальоне, напьется, хватается за оружие, его разоружают и — в вертолет. Один день попил в Чечне водки — и он ветеран. <...> До нас общей информации о противнике не доводили. Воевать мы учились на ходу, информацию у пленных получали через жесткие допросы, через кровь, грязь, потери. Это был жестокий, ненужный опыт. Все это напомнило рассказы деда о Великой Отечественной, когда он ходил в штыковую атаку без патронов. Такая большая наша страна, так много лет прошло после той войны, и как мало изменилось с тех пор³⁶.

Здесь вообще все три линии переплетаются: ироническая критика девяностых оказывается тесно связана с ностальгией по «такой большой нашей стране» и «наукой воевать», которую приходится постигать через «жестокий и ненужный опыт».

Конечно, *работа памяти* ветеранов не сводится только к выстраиванию нарратива³⁷, но сложным образом сочетает осознан-

36. Там же. С. 43, 60.

37. В этом тезис Вадима Михайлина о «чисто нарративной природе дистанции» военной байки, кодирующей опыт в соответствии с определенными канонами жанра, требует, на наш взгляд, существенного уточнения. См.:

ные суждения и работу бессознательных установок. Последние проявляются, например, в комментариях к военным фотографиям (своим и чужим): здесь линейный нарратив уступает место экфрасису — узнаванию деталей, жестов и ситуаций, которые к тому же для большинства ветеранов легче вписываются в распространенные повседневные практики перелистывания семейных или дембельских альбомов, а также выставления «лайков» на страницах друзей в социальных сетях.

Однако медиализация мемориального дискурса, к которой пока тяготеет значительная часть отечественных исследователей³⁸, отодвигает на задний план социальное измерение проблем ветеранов, выступая отчасти орудием их маргинализации, чему

Михайлин В. Бойцы вспоминают минувшие дни: интерпретация маргинального опыта в литературном тексте // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 205–208.

38. Эта тенденция к медиализации абсолютно преобладает не только в военной психиатрии, но и в социальной психологии, а также отчасти и в социологических исследованиях. См., напр.: *Денисов А. А.* Социальная реабилитация российских военнослужащих — участников вооруженных конфликтов. Дисс. ... канд. соц. наук. Новочеркасск, 2006; *Зуйкова А. А.* Особенности этиопатогенеза дезадаптивных состояний участников боевых действий. Дисс. ... д-ра мед. наук. Н. Новгород, 2014; *Караяни А. Г.* Психологическая реабилитация участников боевых действий. М.: Военный университет, 2003; *Нестеренко Н. В.* Медико-социальные проблемы здоровья и межличностных отношений участников контртеррористических операций. Дисс. ... канд. мед. наук. Рязань, 2006; *Титов М. К.* Социальная адаптация ветерана войны в Афганистане. Дисс. ... канд. соц. наук. М., 1993. Отчасти эта тенденция проявляется и в работах историка Елены Сеньявской: «Каковы же основные признаки этой болезни [«афганского синдрома»? (А то, что это болезнь, уже не вызывает сомнения.) Это прежде всего неустойчивость психики, при которой даже самые незначительные потери, трудности толкают человека на самоубийство; особые виды агрессии; боязнь нападения сзади; вина за то, что остался жив; идентификация себя с убитыми. У большинства больных — резко негативное отношение к социальным институтам, к правительству [курсив наш. — Ф. Н., И. К.]. Днем и ночью тоска, боль, кошмары...» (*Сеньявская Е. С.* Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. С. 90). Впрочем, позиция Сеньявской предполагает более широкие рамки описания проблем ветеранов, как и работы Натальи Даниловой и Сергея Ушакина, с достаточной осторожностью относящихся к *trauma* и *memory studies* и аккуратно работающих с эмпирическим материалом: *Данилова Н. Ю.* Коллективные действия участников войны в Афганистане в контексте социальной политики. Дисс. ... канд. соц. наук. Саратов, 2003; *Ушакин С.* Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // Травма: пункты. С. 306–345.

комбатанты всячески сопротивляются³⁹. В качестве примера подобно сопротивлению приведем историю прапорщика спецназа ВДВ, ветерана обеих чеченских кампаний Александра. Демобилизовавшись в 2000 году, он столкнулся с тем, что медики отказывались признать две его контузии «страховым случаем», небольшой пенсии не хватало для того, чтобы кормить семью, работодатели опасались брать разведчика-«чеченца», ветеранские организации не могли оказать юридическую поддержку и т. д. Александр пытался реформировать районную ветеранскую организацию, пробовал участвовать в выборах в областную Думу, хотел даже стать православным военным капелланом. Эту социальную активность на протяжении 13 лет вряд ли оправданно связывать с последствиями «военной травмы» — она была ответом на актуальные повседневные проблемы и трудности самореализации. Неудачи по всем фронтам, включая разочарование в политизации РПЦ, подтолкнули его к переходу в лютеранство как «веру без посредников». Александр подчеркивает, что он «советский солдат», но не склонен к ностальгии и «отыгрыванию» прошлого опыта; он действует вариативно, отказывается от одних задач в пользу других и т. д. Разговор о ПТСР с психотерапевтом (Антоном) и нами он ведет скептически и с иронией:

Александр: Вот вы умные люди, объясните мне, дураку, что это за синдром такой [посттравматический].

Антон: Вот вам горы часто снятся?

Александр: Ага. И в ушах после контузии иногда шумит.

Антон: Вот это и есть часть симптоматики ПТСР.

Александр: Ну не знаю, не знаю...

* * *

Таким образом, на наш взгляд, имеет смысл избегать крайностей медиализации *trauma studies* при символическом «кодировании» сложного и гетерогенного опыта ветеранов, хотя их интерес к неотрафлексированным установкам и стремление перевести усилия артикуляции из частного пространства в публичное поле представляются вполне актуальными. Для последнего в значительной

39. Врач-психотерапевт Антон, дважды побывавший в Чечне со спецназом внутренних войск, очень скептически относится к перспективам диагностики ПТСР: «Это крайне редкий диагноз: все симптомы полностью совпадают лишь в единичных случаях. Проблема здесь гораздо шире. <...> Иногда даже приходится уговаривать ребят, чтобы они не делали инвалидность по психиатрии».

степени подходит предложенный академиком Тишковым термин «публичная антропология... то есть антропология срочной общественной значимости»⁴⁰. Важно подчеркнуть, что эта публичность не может и не должна игнорировать склонность ветеранов к личностному общению («разговорах на кухне»), их проблемы с нарративом (предпочтение, отдаваемое комментированию фотографий) и т. д. Она предполагает совместные усилия, не сводимые к чисто академической деятельности.

Возможно, и при работе с другими сюжетами российско-го/советского прошлого будут актуальны не использование готовых моделей и клише, выработанных американскими *trauma studies* в 1970–2000-е годы, не «психоаналитическое сражение» за «сильную программу», но осторожная разведка и «феноменологическое» описание — нанесение на карту утонувшего в общественном забвении материка опыта со всеми его лагунами и противоречиями.

Библиография

- Bellamy E. J. *Affective Genealogies: Psychoanalysis, Postmodernism, and the “Jewish Question” after Auschwitz*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1997.
- Browning C. *Collected Memories: Holocaust History and Postwar Testimony*. Madison: University of Wisconsin Press, 2003.
- Felman S., Laub D. *Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History*. N.Y.: Routledge, 1992.
- Finley E. R. *Fields of Combat: Understanding PTSD among Veterans of Iraq and Afghanistan*. N.Y.: Cornell University Press, 2011.
- Fussell P. *The Great War and Modern Memory*. N.Y.; L.: Oxford University Press, 1989.
- Galea S., Ahern J., Resnick H., Vlahov D. Post-traumatic Stress Symptoms in the General Population after a Disaster: Implications for Public Health // 9/11: Mental Health in the Wake of Terrorist Attacks / Y. Neria, R. Gross, R. D. Marshall (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 29–31.
- Hagopian P. *The Vietnam War in American Memory: Veterans, Memorials, and the Politics of Healing*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 2009.
- Hilberg R. *The Politics of Memory: The Journey of a Holocaust Historian*. Chicago: Ivan R. Dee, 1996.
- Hoge C. W., Castro C. A., Messer S. C., McGurk D., Cotting D. I., Koffman R. L. Combat Duty in Iraq and Afghanistan, Mental Health Problems, and Barriers to Care // *New England Journal of Medicine*. 2004. Vol. 351. № 1. P. 13–22.

40. Тишков В. А. Указ. соч. С. 57. Любопытно также его замечание (касающееся, правда, не российских солдат, но чеченцев): «Главной задачей моего исследования было *наделение властью через выражение* индивидуальных видений со стороны тех, кто меньше всего слышен в конфликте, кто меньше всего в нем виновен и кто больше всех в нем страдает, но от имени кого больше всего говорят лидеры и специалисты» (Там же. С. 491).

- Kaplan E. A. *Trauma Culture*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2005. P. 10–16.
- Kellner D. *Media Culture: Cultural Studies, Identity and Politics Between the Modern and the Postmodern*. N.Y.; L.: Routledge, 1995.
- Langer L. *Holocaust Testimonies: The Ruins of Memory*. New Haven: Yale University Press, 1991.
- Lembcke J. *The Spitting Image: Myth, Memory, and the Legacy of Vietnam*. N.Y.: New York University Press, 1998.
- Leys R. *Trauma: A Genealogy*. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
- Lifton R. J. *Home from War: Learning from Vietnam Veterans*. N.Y.: Other Press, 2005.
- Mernoff S. T., Correia S. *Military Blast Injury In Iraq and Afghanistan: The Veterans Health Administration's Polytrauma System of Care // Medicine and Health*. 2010. Vol. 93. № 1. P. 16–18, 21.
- Neria Y., Gross R., Marshall R. D. *Mental Health in the Wake of Terrorism: Making Sense of Mass Casualty Trauma // 9/11: Mental Health in the Wake of Terrorist Attacks / Y. Neria, R. Gross, R. D. Marshall (eds)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 6–7.
- Neria Y., Gross R., Olfson M., Gameroff M. J., Das A., Feder A., Lantigua R., Shea S., Weissman M. M. *PTSD in Urban Primary Care Patients Following 9/11 // 9/11: Mental Health in the Wake of Terrorist Attacks / Y. Neria, R. Gross, R. D. Marshall (eds)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 239–263.
- Novick P. *The Holocaust in American Life*. Boston: Houghton-Mifflin Trade and Reference, 1999.
- Oushakine S. A. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 2009.
- Paulson D. S., Krippner S. *Haunted by Combat: Understanding PTSD in War Veterans including Women, Reservists, and Those Coming back from Iraq*. Westport: Praeger, 2007.
- Schuster M. A., Stein B. D., Jaycox L. H., Collins R. L., Marshall G. N., Elliott M. N., Zhou A. J., Kanouse D. E., Morrison J. L., Berry S. H. *A National Survey of Stress Reactions after the September 11, 2001 Terrorist Attacks // New England Journal of Medicine*. 2001. Vol. 345. № 20. P. 1507–1512.
- Scott W. J. *Vietnam Veterans since the War: The Politics of PTSD, Agent Orange, and the National Memorial*. Norman: University of Oklahoma Press, 2003.
- Seeley K. M. *Therapy After Terror: 9/11, Psychotherapists, and Mental Health*. N.Y.: Cambridge University Press, 2008.
- Shandler J. *While America Watches: Televising the Holocaust*. N.Y.: Oxford University Press, 1999.
- Stearns P. N. *American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety*. N.Y.; L.: Routledge, 2006.
- Tanielian T. L., Jaycox L. *Invisible Wounds of War: Psychological and Cognitive Injuries, Their Consequences, and Services to Assist Recovery*. Arlington, VA: RAND, 2008.
- Treatment for Posttraumatic Stress Disorder in Military and Veteran Populations: Initial Assessment / R. Wedge (ed.)*. Washington: The National Academies Press, 2012.
- Wojcik B. E., Stein C. R., Bagg K., Humphrey R. J., Orosco J. *Traumatic Brain Injury Hospitalizations of U.S. Army Soldiers Deployed to Afghanistan and Iraq // American Journal of Preventive Medicine*. 2010. Vol. 38. № 1. P. 108–116.

- Young A. The Harmony of Illusions: Inventing Post-Traumatic Stress Disorder. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Данилова Н. Ю. Коллективные действия участников войны в Афганистане в контексте социальной политики. Дисс. ... канд. соц. наук. Саратов, 2003.
- Денисов А. А. Социальная реабилитация российских военнослужащих — участников вооруженных конфликтов. Дисс. ... канд. соц. наук. Новочеркасск, 2006.
- Дубин Б. В. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 68–84.
- Зуйкова А. А. Особенности этиопатогенеза дезадаптивных состояний участников боевых действий. Дисс. ... д-ра мед. наук. Н. Новгород, 2014.
- Караяни А. Г. Психологическая реабилитация участников боевых действий. М.: Военный университет, 2003.
- Киселев В. П. Исповедь непобежденного полка. М.: Эксмо, 2013.
- Киселев В. П. Разведбат. Документальное повествование. Н. Новгород: Эксмо, 2007.
- Михайлин В. Бойцы вспоминают минувшие дни: интерпретация маргинального опыта в литературном тексте // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 205–208.
- Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1. С. 59–74.
- Нестеренко Н. В. Медико-социальные проблемы здоровья и межличностных отношений участников контртеррористических операций. Дисс. ... канд. мед. наук. Рязань, 2006.
- Новикова А. Ветераны Чечни в милиции. К проблеме преодоления опыта «горячей точки» // Милиция между Россией и Чечней: ветераны конфликта в российском обществе / Под ред. А. Новиковой. М.: Демос, 2007.
- Новикова А. Региональная милиция и конфликт // Милиция между Россией и Чечней: ветераны конфликта в российском обществе / Под ред. А. Новиковой. М.: Демос, 2007.
- Семенова В. В. Травматическая память как мобилизационный ресурс коллективной идентичности // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов, 2012. С. 7798–7818.
- Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.
- Титов М. К. Социальная адаптация ветерана войны в Афганистане. Дисс. ... канд. соц. наук. М., 1993.
- Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.
- Ушакин С. Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // Травма: пункты / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 306–345.
- Шеппели К. Л. Двойной счет: рассказы и расчеты после теракта на Дубровке // Травма: пункты / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 276–305.

AMERICAN TRAUMA STUDIES AND THE LIMITS OF THEIR
TRANSITIVITY IN RUSSIA
HEART-TO-HEART TALKS WITH VETERANS OF LOCAL CONFLICTS

FEDOR NIKOLAI. Associate Professor, Department of General History, fvnik@list.ru. Minin University, 1 Ulianov str., 603950 Nizhny Novgorod, Russia.

IGOR KOBYLIN. Associate Professor, Department of Social Sciences, kigor55@mail.ru. Nizhny Novgorod State Medical Academy, 10/1 Minin & Pozharsky sq., 603950 Nizhny Novgorod, Russia.

Keywords: politics of memory; veterans; local conflicts; testimony; trauma studies.

This article considers the formation contexts and conceptual content of American trauma studies, and raises a question of the prospects for carrying out similar research in Russia. What is meant here is, primarily, the “war trauma” of combatants. Studying oral testimonies of Russian veterans of the Afghan and Chechen Wars, the authors discuss the difficulties the combatants face when trying to articulate their war experience. However, such “representation failures” can by no means always be described using the medical term “trauma,” especially since “medicalization” and “victimization” strategies frequently encounter opposition by the veterans themselves. Therefore, in order to do justice to theoretical and practical trauma studies, the authors suggest a cautious ‘reconnaissance’ over ready-made models and “strong programmes,” the reconnaissance being highly sensitive to both the socio-political context of a testimony and the voice of the witness.

The metaphor of “trauma” exists in the veterans’ narrative in various contexts. Most frequently, it occurs within an existentialist discursive strategy as a marker of a liminal — and often sublime — experience. On the other hand, it can be used when describing the corporal nature of memory, rooted in everyday habits and habitus. However, this metaphor rarely occurs in cultural-ideological or ironic narratives. The stories of the veterans are typically very fragmentary, amounting to a situational interweaving of the aforementioned narrative lines. Reducing this precarious conglomerate to a singular discursive line — and turning it into a policy of representation imposed from above — can hardly be justified. That is why the authors emphasize the importance of a phenomenological description of experience from below, with all its gaps and contradictions, rather than the mechanical use of ready-made theoretical schemes and intellectual clichés.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-5-115-132

References

- Bellamy E. J. *Affective Genealogies: Psychoanalysis, Postmodernism, and the “Jewish Question” after Auschwitz*, Lincoln, University of Nebraska Press, 1997.
- Boltanski L., Thévenot L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti* [De la justification], Moscow, New Literary Observer, 2013.
- Browning C. *Collected Memories: Holocaust History and Postwar Testimony*, Madison, University of Wisconsin Press, 2003.
- Danilova N. Iu. *Kollektivnye deistviia uchastnikov voyny v Afganistane v kontekste sotsial'noi politiki* [Collective Actions of Afghanistan Veterans in the Context of Social Politics]. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for a Candidate degree in Sociology. Saratov, 2003.

- Denisov A. A. Sotsial'naiia reabilitatsiia rossiiskikh voennosluzhashchikh — uchastnikov vooruzhennykh konfliktov [Social Rehabilitation of Russian Soldiers, the Belligerents]. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for a Candidate degree in Sociology. Novocherkassk, 2006.
- Dubin B. V. "Krovavaia" voina i "velikaia" pobeda ["Bloody" War and "Great" Victory]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 2004, no. 4, pp. 68–84.
- Felman S., Laub D. *Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History*, New York, Routledge, 1992.
- Finley E. R. *Fields of Combat: Understanding PTSD among Veterans of Iraq and Afghanistan*, New York, Cornell University Press, 2011.
- Fussell P. *The Great War and Modern Memory*, New York, London, Oxford University Press, 1989.
- Galea S., Ahern J., Resnick H., Vlahov D. Post-traumatic Stress Symptoms in the General Population after a Disaster: Implications for Public Health. *9/11: Mental Health in the Wake of Terrorist Attacks* (eds Y. Neria, R. Gross, R. D. Marshall), Cambridge, Cambridge University Press, 2006, pp. 29–31.
- Hagopian P. *The Vietnam War in American Memory: Veterans, Memorials, and the Politics of Healing*, Amherst, MA, University of Massachusetts Press, 2009.
- Hilberg R. *The Politics of Memory: The Journey of a Holocaust Historian*, Chicago, Ivan R. Dee, 1996.
- Hoge C. W., Castro C. A., Messer S. C., McGurk D., Cotting D. I., Koffman R. L. Combat Duty in Iraq and Afghanistan, Mental Health Problems, and Barriers to Care. *New England Journal of Medicine*, 2004, vol. 351, no. 1, pp. 13–22.
- Kaplan E. A. *Trauma Culture*, New Brunswick, NJ, Rutgers University Press, 2005, pp. 10–16.
- Karaiani A. G. *Psikhologicheskaiia reabilitatsiia uchastnikov boevykh deistvii* [Psychological Rehabilitation of Combatants], Moscow, Voennyi universitet, 2003.
- Kellner D. *Media Culture: Cultural Studies, Identity and Politics Between the Modern and the Postmodern*, New York, London, Routledge, 1995.
- Kiselev V. P. *Ispoved' nepobezhdennogo polka* [Confession of an Unbeaten Regiment], Moscow, Eksmo, 2013.
- Kiselev V. P. *Razvedbat. Dokumental'noe povestvovanie* [Reconnaissance Battalion. A Documentary], Nizhny Novgorod, Eksmo, 2007.
- Langer L. *Holocaust Testimonies: The Ruins of Memory*, New Haven, Yale University Press, 1991.
- Lembcke J. *The Spitting Image: Myth, Memory, and the Legacy of Vietnam*, New York, New York University Press, 1998.
- Leys R. *Trauma: A Genealogy*, Chicago, University of Chicago Press, 2000.
- Lifton R. J. *Home from War: Learning from Vietnam Veterans*, New York, Other Press, 2005.
- Mernoff S. T., Correia S. Military Blast Injury In Iraq and Afghanistan: The Veterans Health Administration's Polytrauma System of Care. *Medicine and Health*, 2010, vol. 93, no. 1, pp. 16–18, 21.
- Mikhailin V. Boitsy vspominaiat minuvshie dni: interpretatsiia marginal'nogo opyta v literaturnom tekste [Soldiers Remembering Previous Days: Interpretation of Marginal Experience in Literary Text]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2002, no. 58, pp. 205–208.
- Moroz O., Suverina E. Trauma studies: Istoriia, reprezentatsiia, svidetel' [Trauma Studies: History, Representation, Witness]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2014, no. 1, pp. 59–74.

- Neria Y., Gross R., Marshall R. D. Mental Health in the Wake of Terrorism: Making Sense of Mass Casualty Trauma. *9/11: Mental Health in the Wake of Terrorist Attacks* (eds Y. Neria, R. Gross, R. D. Marshall), Cambridge, Cambridge University Press, 2006, pp. 6–7.
- Neria Y., Gross R., Olfson M., Gameroff M. J., Das A., Feder A., Lantigua R., Shea S., Weissman M. M. PTSD in Urban Primary Care Patients Following 9/11. *9/11: Mental Health in the Wake of Terrorist Attacks* (eds Y. Neria, R. Gross, R. D. Marshall), Cambridge, Cambridge University Press, 2006, pp. 239–263.
- Nesterenko N. V. Mediko-sotsial'nye problemy zdorov'ia i mezhlchnostnykh otnoshenii uchastnikov kontrterroristicheskikh operatsii [Medical-Social Problems of Health and Interpersonal Relations of Counterterrorist Operations Participants]. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for a Candidate degree in Medicine. Ryazan, 2006.
- Novick P. *The Holocaust in American Life*, Boston, Houghton-Mifflin Trade and Reference, 1999.
- Novikova A. Regional'naiia militsiia i konflikt [Regional Police Force and Conflict]. *Militsiia mezhdru Rossiei i Chechnei: veterany konflikta v rossiiskom obshchestve* [Police Force between Russia and Chechnya: Veterans of Conflict in Russian Society] (ed. A. Novikova), Moscow, Demos, 2007.
- Novikova A. Veterany Chechni v militsii. K probleme preodoleniia opyta "goriachei tochki" [Chechnya Veterans in Police. Towards a Problem of Overriding "Hot Spot" Experience]. *Militsiia mezhdru Rossiei i Chechnei: veterany konflikta v rossiiskom obshchestve* [Police Force between Russia and Chechnya: Veterans of Conflict in Russian Society] (ed. A. Novikova), Moscow, Demos, 2007.
- Oushakine S. A. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*, Ithaca, Cornell University Press, 2009.
- Paulson D. S., Krippner S. *Haunted by Combat: Understanding PTSD in War Veterans including Women, Reservists, and Those Coming back from Iraq*, Westport, Praeger, 2007.
- Scheppele K. L. Dvoinoi schet: rasskazy i raschety posle terakta na Dubrovke [Double Counting: Stories and Accounts after Terrorist Attack on Dubrovka]. *Travma: punkty* [Trauma: Bays] (eds S. Ushakin, E. Trubina), Moscow, New Literary Observer, 2009, pp. 276–305.
- Schuster M. A., Stein B. D., Jaycox L. H., Collins R. L., Marshall G. N., Elliott M. N., Zhou A. J., Kanouse D. E., Morrison J. L., Berry S. H. A National Survey of Stress Reactions after the September 11, 2001 Terrorist Attacks. *New England Journal of Medicine*, 2001, vol. 345, no. 20, pp. 1507–1512.
- Scott W. J. *Vietnam Veterans since the War: The Politics of PTSD, Agent Orange, and the National Memorial*, Norman, University of Oklahoma Press, 2003.
- Seeley K. M. *Therapy After Terror: 9/11, Psychotherapists, and Mental Health*, New York, Cambridge University Press, 2008.
- Semenova V. V. Travmaticheskaiia pamiat' kak mobilizatsionnyi resurs kollektivnoi identichnosti [Traumatic Memory as a Mobilization Resource of Collective Identity]. *Sotsiologiia i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie. Materialy IV Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development. Materials of IV All-Russian Sociological Congress], Moscow, Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov, 2012, pp. 7798–7818.

- Seniavskaia E. S. *Psikhologiya voyny v XX veke. Istoricheskii opyt Rossii* [Psychology of War in XX century. Historical Experience of Russia], Moscow, ROSSPEN, 1999.
- Shandler J. *While America Watches: Televising the Holocaust*, New York, Oxford University Press, 1999.
- Stearns P. N. *American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety*, New York, London, Routledge, 2006.
- Tanielian T. L., Jaycox L. *Invisible Wounds of War: Psychological and Cognitive Injuries, Their Consequences, and Services to Assist Recovery*, Arlington, VA, RAND, 2008.
- Tishkov V. A. *Obshchestvo v vooruzhennom konflikte (etnografiia chechenskoj voyny)* [Society in Violent Conflict (Ethnography of Chechen War)], Moscow, Nauka, 2001.
- Titov M. K. *Sotsial'naiia adaptatsiia veterana voyny v Afganistane* [Social Adaptation of Afghanistan Veteran]. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for a Candidate degree in Sociology. Moscow, 1993.
- Treatment for Posttraumatic Stress Disorder in Military and Veteran Populations: Initial Assessment* (ed. R. Wedge), Washington, The National Academies Press, 2012.
- Ushakin S. *Vmesto utraty: materializatsiia pamiati i germeneytika boli v provintsial'noi Rossii* [Instead of Loss: Materialisation of Memory and Hermeneutics of Pain in Provincial Russia]. *Travma: punkty* [Trauma: Bays] (eds S. Ushakin, E. Trubina), Moscow, New Literary Observer, 2009, pp. 306–345.
- Wojcik B. E., Stein C. R., Bagg K., Humphrey R. J., Orosco J. *Traumatic Brain Injury Hospitalizations of U.S. Army Soldiers Deployed to Afghanistan and Iraq*. *American Journal of Preventive Medicine*, 2010, vol. 38, no. 1, pp. 108–116.
- Young A. *The Harmony of Illusions: Inventing Post-Traumatic Stress Disorder*, Princeton, Princeton University Press, 1995.
- Zuikova A. A. *Osobennosti etiopatogeneza dezadaptivnykh sostoianii uchastnikov boevykh deistvii* [Special Aspects of Aetiopathogenesis of Combatants' Maladaptive States]. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for a Doctoral degree in Medicine. Nizhny Novgorod, 2014.